
ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий выпуск № 3 Вестника РУДН (серия «Философия») за 2011 г. посвящен тому разделу философии, который принято называть «строгим». Строгость в данном случае означает, что авторы в абсолютном большинстве предложенных в сборнике статей стремятся выразить свои аргументы, пользуясь не только естественным языком, но и формальными языками. Причем эта формализация может достигаться как с помощью введения специальной терминологии в сам естественный язык, как это имеет место в работах И.Д. Невважая, Л.А. Деминой и П.Н. Барышниковой, посвященных анализу аналитической философии — проблемам сознания, языка и восприятия — так и с помощью использования специально разработанных символических языков: логических, математических, физических и методологических. Легко увидеть, что к последнему типу анализа философских проблем относится большинство представленных статей. Их можно условно разделить на *методологические* (статьи А.Н. Павленко, Арто Мутанена, Я.В. Тарароева, А.Т. Котвицкого, И.П. Билецкого), *логико-семантические* (статьи С.А. Павлова и К.А. Павлова) и *логико-математические* (статьи В.Л. Васюкова и В.Х. Хаханяна).

Наконец, замыкают сборник две статьи А.М. Анисова и А.В. Кузьмина, которые хотя и попадают в раздел «Дискуссионная трибуна», но по строгости своего изложения не уступают работам предыдущих разделов, а по провокативности утверждаемых в них тезисов, возможно, их и превосходят.

Следует заметить, что предложенная классификация представленных статей весьма условна. Дело в том, что через весь сборник проходит несколько ствольных тем, вокруг которых разворачивается «невидимая» дискуссия. Так, в статье С.Я. Павлова осуществляется попытка придания универсального значения логике с одним «денотатом» — истиной и формализации семантического значения «истина» в логике высказываний, а в статье К.А. Павлова по существу заявляется обратное — логическое значение «истина» является частным случаем более универсального критерия, которым, по мнению автора, является «непротиворечивость». В работе А.М. Анисова «Что такое наука?» утверждается, что для правильного ответа на заданный вопрос, то есть для правильного определения понятия «наука», необходимо иметь *теорию доказательств* (как *метатеорию* теорий) и *концепцию знания*. По видимости очевидное требование в «реальной науке» сразу наталкивается на ряд затруднений. В статье В.Х. Хаханяна «В какой степени современные математические науки являются надежными» показано, что единство, условием которого было бы «доказательство», оказывается недостижимым не только во всей математике, но даже в отдельных ее разделах: обосновании геометрии, арифметики натуральных чисел, теории множеств и др. В каждом из названных разделов «доказательство» строится и понимается по-разному: конструктивизм, формализм, интуиционизм и т.д. С другой стороны, говоря о так понятой «науке», Анисов оставляет без обсуждения проблему «опытной верификации», которая крайне важна для целого класса естественнонаучных теорий. Почему? Причина возникающего недоумения становится понятна, если познакомиться со статьей Я.В. Тарароева,

А.Т. Котвицкого, И.П. Билецкого «Методологические стратегии современной космологии и их онтологические основания» и статьей А.Н. Павленко «Принцип наблюдаемости, „стадия эмпирической невесомости теории“ (SEWT) и „конструктивный эмпиризм“ (CE)». В первой статье приводится перечень проблем, возникших в связи с открытым в 1998 г. ускоренного расширения Вселенной, а также перечень моделей-кандидатов, претендующих на право «объяснения» этого расширения. Авторы показывают, что эмпирическая проверка в этом вопросе не может оказаться решающей для выбора модели-претендента. Первостепенную роль начинают играть методологические и онтологические предпочтения. Работа Павленко еще более заостряет эту ситуацию, анализируя «принцип наблюдаемости» и выявляя формальные возможности «стадии эмпирической невесомости теории». И в первой и во второй статьях явно утверждается, что стандарты понимания природы научного знания времен «классической науки» (механики Галилея, Ньютона и др.) сегодня явно не подходят: изменился как сам объект исследования, так и инструменты его познания.

Словно продолжая эту тему, И.Д. Невважай в статье «Взаимодополнительные формы активности субъекта познания: интерпретация и выражение» разрабатывает и отстаивает идею модифицированной «респонсивности» — своеобразно понятого «панпсихизма» — согласно которой все в мире может быть «спрошенным» и все способно «отвечать». Так исследователь в эксперименте задает природе «вопрос» и ожидает от нее «ответ». Такую модель своеобразно понятой «универсальной коммуникации» Невважай считает наиболее перспективной в современной эпистемологии и науке. Однако Арто Мутанен в статье «Интеррогативная модель исследования как логика научного рассуждения» скептически отрезвляет оптимизм Невважая: язык «вопросов» и «ответов» должен быть общим и совершенно неочевидно, что язык природы именно таков. Производя редукцию языка универсальной теории к языку конкретной модели, Мутанен стремится добиться «конкретности», утверждая «атомистский постулат»: для науки важно знать, какова наблюдаемая вещь «здесь и сейчас», в то время как Павленко в своей работе рассматривает более общий случай — «какова сама возможность наблюдать объект?». Павленко показывает, что в современной физико-космологической науке начинают доминировать познание таких объектов, которые одновременно «и существуют, и ненаблюдаемы», а это требует серьезного пересмотра традиционного понимания природы «теории» и «опыта».

Онтологическая проблематика затронута и в статье В.Л. Васюкова «Комбинированные паранепротиворечивые логики и их (ко)экспоненциалы». Автор демонстрирует возможность построения комбинированной логики, которая объединяет в себе онтологию (алгебру «событий») и эпистемологию (выражение этих событий в логике «высказываний»).

Наконец, в статье А.В. Кузьмина предлагается такая модель периодизации астрономических эпох — автор насчитывает шесть периодов — которая позволяет установить корреляцию между «культом небесного светила (группы светил)» и соответствующими матрицами общественного развития. Можно кратко резюмировать концепцию Кузьмина, перефразировав марксистский постулат: «астрономия определяет общество».

Итак, «наука», «теория», «наблюдаемость», «рассуждение», «истина», «непротиворечивость», «респонсивность» — вот тот далеко неполный перечень понятий, который становится предметом строго (формального) обсуждения. Легко увидеть, что оно оказалось бы «пустым» без привлечения онтологической структуры мира (реальных физических зависимостей (законов), фактов, событий и т.д.) к эпистемологическому анализу знания. Онтология делает эпистемологию жизнеспособной.

Статьи подготовлены при тесном сотрудничестве исследовательской группы «Онтология» Института философии РАН с кафедрой «Онтологии и теории познания» РУДН.

Ответственный редактор выпуска
Андрей Н. Павленко